

ПРАВА ДЕТЕЙ И РЕЗИЛЬЕНТНОСТЬ

Два плодотворных
и взаимообогащающих
подхода

«Эта работа позволяет с помощью слов и простых образов понять, в чем состоит изменение взгляда на ребенка, которое является логическим следствием подхода, основанного на правах ребенка и резильентности. Взгляд, идущий от ума и от сердца, сосредоточенный как на правах ребенка, так и на его способности мобилизовать, часто самым неожиданным образом, свои ресурсы, которые позволяют ему идти по жизни вперед в трудных условиях.

Это ценный справочник не только для социальных работников, но и для каждого честного человека. Внимательный читатель, который посвятит свое время на осмысление этой кажущейся простой, а на самом деле очень тонкой по содержанию работы, найдет в ней пищу для глубокого и нюансированного размышления о резильентности и о том, как соединить этот подход с правами ребенка, никогда не забывая об обязательных нравственных требованиях».

ПРАВА ДЕТЕЙ И РЕЗИЛЬЕНТНОСТЬ

Два плодотворных
и взаимообогащающих
подхода

Миссия Бисе

Вот уже более 60 лет Бисе отстаивает права и достоинство детей во всем мире в сотрудничестве с неправительственными организациями и партнерами на местах. В своей деятельности Бисе руководствуется христианскими ценностями. Опираясь на Конвенцию ООН о правах ребенка, Бисе реализует проекты, направленные на профилактику, защиту и реабилитацию детей. Оно защищает интересы детей благодаря своему консультативному статусу в Экономическом и Социальном совете ООН (ECOSOC). Бисе активно сотрудничает с Советом по правам человека, с Комитетом ООН по правам ребенка и с ЮНИСЕФ. Бисе поддерживает деловые отношения с ЮНЕСКО и обладает статусом участника деятельности Совета Европы в Страсбурге.

Контактная информация:

Постоянное представительство Бисе

11, rue Cornavin
CH – 1201 Genève
T: +41 (0) 22 731 32 48
Fax: +41 (0) 22 731 77 93
E: bice.geneve@bice.org

Генеральный секретариат

205, Chaussée de Wavre
B – 1050 Bruxelles
T: +32 2 629 44 10
Fax: +32 2 629 44 13
E: bice.bruxelles@bice.org

Штаб-квартира

70 Boulevard de Magenta
F – 75010 Paris
T: + 33 (0) 1 53 35 01 00
Fax: + 33 (0) 1 53 35 01 19
E: bice.paris@bice.org

www.bice.org

ПРАВА ДЕТЕЙ И РЕЗИЛЬЕНТНОСТЬ

Два плодотворных
и взаимообогащающих подхода

Стефан Ваништендаль

Международное Католическое Бюро Ребенка
Брюссель, 2012

Автор

Социолог и демограф по образованию, Стефан Ваништендаль работает в офисе Бисе в Женеве с 1979 года, занимая различные должности. В настоящее время он возглавляет Отдел научных исследований и развития.

Благодарность

Автор благодарит «семью» Бисе: руководство, коллег и других сотрудников за предоставленную ему возможность написать эту работу. Он выражает особую признательность своей бывшей коллеге Маргарет Кэллин, организовавшей в 2005 году международное совещание на тему, которая рассматривается в данной работе. Итоговый документ этого собрания навел автора на мысли, изложенные ниже. Автор благодарит Хорди Котса и Мишель Мансьо за внимательное чтение данной работы, а Шанталь Саклие за работу над стилем текста. Их замечания значительно улучшили качество первоначальной рукописи. При этом автор несет полную ответственность за те ошибки, которые, возможно, сохранились в тексте.

Перевод Анны Герцик

ОГЛАВЛЕНИЕ

Предисловие Мишель Мансьо	07
1 ПРЕДЛОЖЕНИЕ: ДВА ВЗАИМОДОПОЛНЯЮЩИХ ИСТОЧНИКА ВДОХНОВЕНИЯ	08
ВСТАВКА. КРАТКОЕ НАПОМИНАНИЕ: РЕЗИЛЬЕНТНОСТЬ	10
2 ПРАВА РЕБЕНКА И РЕЗИЛЬЕНТНОСТЬ В ДЕЙСТВИИ: ТИМ И СУДЬЯ	12
ВСТАВКА. КРАТКОЕ НАПОМИНАНИЕ: «ПРАВА»	15
ВСТАВКА. ПРАВА РЕБЕНКА В ДАТАХ	19
3 СВЯЗЬ МЕЖДУ ПРАВАМИ РЕБЕНКА И РЕЗИЛЬЕНТНОСТЬЮ	21
ВСТАВКА. КОНФЛИКТ МЕЖДУ ПРАВАМИ РЕБЕНКА И РЕЗИЛЬЕНТНОСТЬЮ?	26
4 ЛОВУШКИ, КОТОРЫХ СЛЕДУЕТ ИЗБЕГАТЬ	28
ВСТАВКА. ПРАВА РЕБЕНКА НУЖДАЮТСЯ В ЖИЗНЕННОЙ СИЛЕ РЕЗИЛЬЕНТНОСТИ. ПРИМЕР ЛАТИНСКОЙ АМЕРИКИ	29
ВСТАВКА. ПРАВА РЕБЕНКА И РЕЗИЛЬЕНТНОСТЬ: РУКА ОБ РУКУ. ПРИМЕР АФРИКИ	35

5 ИЗМЕНЕНИЕ УГЛА ЗРЕНИЯ	37
ВСТАВКА. ТРУДНО, НО ОЧЕНЬ ВАЖНО: ЧТОБЫ ВИДЕТЬ, НАМ ДАНЫ НЕ ТОЛЬКО ГЛАЗА	40
6 ВПЕРЕД, К КУЛЬТУРЕ ДЕТСТВА?	42
ПРИЛОЖЕНИЯ	45
Женевская Декларация (1924 г.)	47
Права ребенка по Янушу Корчаку	49
Библиография: советуем прочитать	50

ПРЕДИСЛОВИЕ

Международное Католическое Бюро Ребенка (Бисе) отличается последовательностью взглядов. Оно всегда выступало со смелыми инициативами, направленными на улучшение судьбы детей во всем мире. Эти качества Бисе, проявлявшиеся на всем протяжении его истории, соединились в данной работе, посвященной резильентности и правам детей. Следует отметить, что с момента своего возникновения Бисе взяло на себя обязательство отстаивать права детей и демонстрировать, каким образом их можно соблюдать на практике; оно принимало активное участие в бурных дискуссиях, которые привели к принятию, а затем к ратификации соответствующей международной конвенции. Впоследствии Бисе обратилось к изучению и распространению знаний о резильентности, этого передового подхода к динамичному развитию ребенка. Две работы «„Резильентность“ или оправданные надежды» и «Резильентность и духовность», вышедшие в 1995 и 2002 годах соответственно, свидетельствуют об этом стремлении Бисе.

Права ребенка и резильентность – две сложные темы, дающие богатую пищу для исследований. Обе они обращаются к нашему разуму и к нашей душе и могут обогатить различные методики, если станут предметом наших размышлений и практической деятельности. Но соединение этих тем для придания каждой из них дополнительной силы довольно оригинальная идея, и я знаю мало подобных примеров.

Именно это стремление Бисе проявляется в его деятельности на местах в разных странах в интересах детей, подвергающихся жестокому обращению, насилию, эксплуатации... именно об этом решил поведать Отдел научных исследований и развития Бисе. Таким образом, Бисе обогащает теорию и направляет в нужное русло нашу работу с детьми и во имя очень многих детей, чьи внутренние ресурсы и таланты не признаются, отрицаются или недостаточно используются, тогда как они – надежда завтрашнего мира.

Мишель Мансьо,

*Почетный профессор в области социальной педиатрии
и здравоохранения Университета им. Анри Пуанкаре, Нанси, Франция*

1 | ПРЕДЛОЖЕНИЕ: ДВА ВЗАИМОДОПОЛНЯЮЩИХ ИСТОЧНИКА ВДОХНОВЕНИЯ

Существует много тем, которые привлекают внимание специалистов, работающих в области детства. Права ребенка и резильентность из их числа. Появившиеся в начале и в конце XX века соответственно, оба эти направления деятельности развивались независимо одно от другого. Но в последние годы появилось ощущение, что в реальной жизни такое разделение носит искусственный характер, и поэтому мы решили поразмышлять о связи между правами ребенка и резильентностью. Цель настоящей работы — показать читателю наличие такой связи. Эти несколько страниц не итог размышлений, а, наоборот, предложение продолжить движение по пути, в начале которого мы находимся, как в теории, так и на практике.

Чтобы лучше понять наше намерение, давайте сделаем шаг назад, как будто мы хотим внимательнее рассмотреть хорошую картину. Данное сравнение вполне уместно. Действительно, если величайшие творения искусства являются достоянием человечества и обогащают нашу цивилизацию, то внимание к ребенку и забота о его благополучии тоже являются составляющими цивилизованной жизни.

Поэтому мы начнем с вопроса, имеющего, на первый взгляд, весьма отдаленное отношение к нашей теме: какую страну мы называем развитой? Или цивилизованной? Во время одной неформальной встречи, имевшей место в 80-х годах прошлого века, английский педагог Хью Хоус (Hugh Hawes) дал удивительный ответ на этот вопрос: «Развитая страна — это страна, в которой хорошо живет ребенок». Иными словами, он предлагает считать критерием цивилизации счастье ребенка, получающего полноценное развитие. Или, если использовать более профессиональный термин: качество жизни растущего ребенка. Несколько секунд спустя профессор Хоус добавил: «Если руководствоваться этим критерием, то наиболее развитыми регионами из тех, которые я знаю, были бы некоторые сельские районы Индонезии».

Согласны ли мы с этим утверждением или нет, но такой ответ наводит на размышления. Он является отрезвляющей альтернативой рассуждениям о процессе развития только с точки зрения экономики, финансов или технологии. Но он ставит также другой вопрос, связанный с этой дискуссией: *как* определить, что составляет благополучие ребенка, что делает его счастливым?

Чтобы ответить на этот вопрос, мы можем следовать двумя разными путями:

- попытаться увидеть *в реальности* то, что способствует благополучию детей; в данном случае речь идет об *эмпирическом* подходе;
- попытаться определить требования, которые должны быть удовлетворены, чтобы обеспечить это благополучие; в этом случае речь идет о *нормативном* подходе.

Но в данной брошюре мы хотим уделить особое внимание наиболее обездоленным детям, что вызывает специфические вопросы:

- Каким образом самым обездоленным детям, находящимся в очень тяжелой ситуации, удастся нормально развиваться? Речь идет о *жизненной энергии*, которая была как будто *протестирована* самой жизнью. Такую энергию мы можем наблюдать в реальной жизни. Это *резильентность*.
- Каковы *минимальные нормы*, которые должны быть соблюдены, чтобы обеспечить благополучие детей? В XX веке международное сообщество несколько раз пыталось установить эти нормативные рамки. Это *права ребенка*.

О резильентности *или* о правах ребенка было написано много работ. Мы надеемся, что наш скромный труд, посвященный резильентности и правам ребенка, сможет заинтересовать тех, кто работает с детьми на всех уровнях. Речь идет о профессиональных или добровольных исследователях и практических работниках, о политиках, руководителях светских или религиозных учреждений и — почему бы нет? — о родителях, которых в первую очередь касаются все вопросы, связанные с их потомством. Если настоящая брошюра поможет некоторым из них продвинуться вперед в решении своей конкретной проблемы, то она достигнет своей цели.

Резильентность и права ребенка переплетены между собой, как две части спирали ДНК. Начать наши объяснения нам поможет конкретная и правдивая жизненная история, живо и тонко иллюстрирующая эту связь. Этот пример дополняется размышлениями, имеющими практическое значение. В нашей работе вы найдете также небольшие вставки, которые послужат вам ориентирами в области резильентности и прав ребенка.

КРАТКОЕ НАПОМИНАНИЕ: РЕЗИЛЬЕНТНОСТЬ

Человеческая резильентность — это, в первую очередь, реальность, которую мы можем наблюдать в жизни и различные проявления которой нас по-хорошему удивляют. Существуют некоторые очень известные примеры, такие как дневник Анны Франк или биография Нельсона Манделы. Но давайте посмотрим на наше собственное окружение. Среди наших родственников, друзей, соседей или коллег обязательно найдется замечательный, достойный человек, проживший очень тяжелую жизнь. Эта реальность широко признается во многих странах и культурах, даже если не во всех языках изначально существовало слово для обозначения данного понятия. Английский — один из

редких языков, в котором есть широко употребляемое слово «resilience» или «resiliency». Вот почему многие языки адаптировали английское слово для собственного использования. Во французском языке есть глагол «résilier», употребляемый только в значении «расторгнуть договор». Может быть, резильентность и состоит в «расторжении договора» с жизненными невзгодами?

Резильентность — это способность человека или группы лиц преодолевать очень серьезные трудности и продолжать полноценное развитие. Это могут быть различные травмирующие ситуации, такие как крайняя нищета, тяжелая болезнь, потеря близких... В своем развитии резильентность часто будет переживать подъемы и спады. Помимо сопротивления отрицательному воздействию речь идет о способности перестраивать жизнь, а иногда даже о преобразовании

несчастья во что-то позитивное, как в случае со слепым человеком, ставшим превосходным музыкантом.

У резильентности всегда есть нравственный аспект: она ориентируется на позитивное развитие и никогда не строится любой ценой, ни для самого человека, ни для других людей.

Резильентность никогда не бывает абсолютной. Она развивается на протяжении всей жизни во взаимодействии с окружением человека, двигаясь по расширяющимся концентрическим окружностям, которые могут втянуть в свою орбиту все больше людей, начиная с самых близких и кончая правительством страны. Очень часто этот процесс поддерживается друзьями и семьей. Но в некоторых случаях бывает необходимо профессиональное сопровождение.

Для разговора о резильентности не существует единых критериев. Насколько положительно и трезво оценивает себя данный человек?

Хорошо ли он себя чувствует?

Как он себя ощущает в своем окружении? Способен ли он брать на себя личные, профессиональные или добровольные обязательства на длительный срок?

Резильентность ни в коем случае не является магическим ключом к решению всех проблем или заменой экономической и социальной политики. Резильентность — это способ развития, который мобилизует ресурсы личности и ее окружения. Существуют, похоже, некоторые элементы, которые способствуют развитию резильентности: ощущение, что другой человек принимает тебя таким, каков ты есть, но это не обязательно означает, что твое поведение всегда одобряется (этот элемент часто считается самым важным), способность находить смысл жизни, жизненные ориентиры; ощущение, что ты в определенной степени являешься хозяином своей судьбы; положительная, но лишенная иллюзий самооценка, обладание различными социальными и иными навыками; конструктивное чувство юмора. Это далеко не полный список. Резильентность не является методикой работы, но она побуждает иначе взглянуть на ситуацию. Целиком и полностью признавая наличие какой-либо, пусть даже незначительной проблемы, она идет дальше ее простого решения и ищет позитивные ресурсы и элементы, которые помогут человеку иначе построить свою жизнь.

2 | ПРАВА РЕБЕНКА И РЕЗИЛЬЕНТНОСТЬ В ДЕЙСТВИИ: ТИМ И СУДЬЯ¹

Случай, описанный ниже, произошел в одной европейской стране, но это не имеет большого значения. В первую очередь он конкретным образом иллюстрирует наличие связи прав ребенка с резильентностью. Данный пример со всей очевидностью свидетельствует о том, что такая связь не может быть сведена к одному из этих двух полюсов. Наши комментарии выделены курсивом.

У Тима Генара было очень тяжелое детство. Мать мальчика бросила его, когда ему было три года. Она привязала его к электрическому столбу на обочине сельской дороги и ушла. Так он провел всю ночь. Утром его нашли жандармы и отвели к отцу. Последний не смог перенести ухода жены, который стал для него полной неожиданностью. Он отдает сына одной из своих сестер, живущей неподалеку. Тетя испытывает к маленькому Тиму самые нежные чувства. Но несколько месяцев спустя отец забирает его к себе. С ним живет другая женщина и ее пятеро детей. Тим там явно лишний, его с трудом терпят, отец нередко его бьет, все чаще и чаще выходя из себя. Вечером того дня, когда Тиму исполнилось пять лет, отец страшно его избил. Получив многочисленные увечья, Тим впадает в кому. Очнулся мальчик в больнице, в которой он будет находиться более двух лет — такое время ему понадобится, чтобы полностью восстановиться и вновь научиться ходить. Какое будущее ждало этого ребенка, брошенного матерью и избитого до полусмерти отцом — и все это в первые пять лет его жизни?

Тем не менее несколько десятилетий спустя Тим предстает перед нами в образе счастливого отца и дедушки. Вместе со своей женой

1 – Источник: Tim Guénard. *Plus fort que la haine*. Presses de la Renaissance, Paris, 1999, une autobiographie.

он работает с молодыми людьми, находящимися в трудной ситуации, людьми, травмированными жизнью. Конечно, он понимает, что обретенное счастье не абсолютно и очень хрупко. Но факт налицо: его жизнь приняла неожиданный оборот к лучшему, оказавший к тому же длительное воздействие на дальнейший ход событий.

Как это стало возможным? Судя по автобиографии Тима, он прошел сложный путь: в молодости был очень агрессивным, узнал, что такое жизнь на улице, в закрытых учреждениях, в криминальной среде. Тем не менее постепенно он прокладывает себе иной, более конструктивный жизненный путь. По его собственному свидетельству, такая эволюция стала возможной благодаря знакомству с некоторыми людьми, которые отнеслись к нему доброжелательно и которым он поверил. Конечно, много раз в своей жизни он встречал и других людей. Разница между первыми и вторыми совершенно не зависела от того, были они специалистами или нет. Люди, которые помогли Тиму восстановиться, представляли собой широкую палитру общества: крестьянин, бродяга, священник, умственно отсталый молодой человек, полицейские, социальный работник, судья и, естественно, его супруга... Среди тех, кто оказал на него негативное воздействие, тоже были и специалисты и неспециалисты. По мнению Тима, разница состояла в первую очередь в том, какими глазами они смотрели на него, то есть как они его воспринимали.

Остановимся на одной из конструктивных встреч, которая ознаменовала решающий поворот в жизни Тима. Это встреча с женщиной-судьей, которая действовала в рамках своих профессиональных обязанностей. В это время Тиму было 15 лет и он находился в конфликте с законом.

Судья встречается с Тимом после того, как его выгнали из тюрьмы для несовершеннолетних, не хотевшей больше иметь с ним дела, что он считал своей большой победой. Судья расспрашивает Тима о его планах на будущее. Для него это трудное упражнение, потому что он никогда об этом не думал. Единственное, что придает видимость смысла его жизни и в чем стыдно признаться, — это намерение убить отца. В итоге он просит судью только об одном: дать ему последний шанс.

Таким образом, представительница закона и общество оказались в конфронтации с человеком, травмированным жизнью и нарушившим закон. Но у травмированного и находящегося в конфликте с законом Тима тоже есть права, которые судья должна уважать, тем более что в этот момент юноша пытается начать жизнь заново и идти вперед

к лучшему будущему, пока еще очень туманному. Его права смыкаются с ее желанием добиться положительных изменений, и он, похоже, готов встать на путь построения резильентности. Права и резильентность могут идти рука об руку. Судья должна применить закон, давая, таким образом, Тиму необходимый ориентир для жизни в обществе, но она делает это очень гуманным способом.

Судья ищет и находит альтернативное решение. Из дела Тима она узнает, что он хорошо рисует. Кроме этого, мальчик был крепкого телосложения. Судья знает, что собору, который находится рядом с дворцом правосудия и в котором ведутся реставрационные работы, требуются резчики по камню. Она видит в этом одну из возможностей.

Судья хочет помочь Тиму перестроить свою жизнь. Ее намерение выходит за рамки минимальных действий правового характера. Судья не видит в Тиме только его проблемы. Она априори не предлагает решение, которое направлено только на то, чтобы держать проблему под контролем, а пытается опереться на положительные стороны Тима, с одной стороны, и на реальную потребность собора в резчиках, с другой, чтобы попробовать построить что-то вместе с ним. Позитивная точка опоры является основным элементом строительства и развития резильентности.

Такие действия судьи не предписываются законом, но они отвечают ее нравственным принципам и пониманию своей роли, что выходит за рамки закона. А Тим стремится встать на правильный путь, что также отвечает моральным требованиям, которые уведут его далеко от статуса «жертвы общества».

Судья звонит одному из руководителей реставрационных работ, чтобы попросить его взять Тима в ученики. Руководитель сначала соглашается, но, узнав, сколько Тиму лет, отказывается. Тим слишком молод, ему не хватает шести месяцев до достижения возраста, позволяющего взять его на работу на законных основаниях. Значит, нужно ждать шесть месяцев или просить президента республики сделать для него исключение (дело происходит во Франции). Это большое разочарование как для судьи, так и для Тима. Хуже всего то, что судья знает по собственному опыту, что эта процедура занимает много времени, а результат зависит от случая. Тим спрашивает, кто должен дать такое разрешение.

КРАТКОЕ НАПОМИНАНИЕ: «ПРАВА»¹

Право – это, по сути, выражение *приверженности общества к такой ценности, как достоинство каждого из его членов. Общество признает, что некоторые потребности человека настолько важны, что их удовлетворение не может зависеть ни от непредвиденных обстоятельств нашего существования, ни от доброй воли других людей. Иначе говоря, человек может требовать то, что признано его правом.*

Но иногда в ходе исторической эволюции отношение к тому или иному праву меняется. Возьмем в качестве примера право на образование: будучи сначала, в определенную эпоху, *новшеством*, оно претерпело определенную эволюцию и стало *роскошью*, предназначенной пока только для избранных; позже его стали считать *всеобщим достоянием* большинства граждан до того, как его начали воспринимать как *всеобщую потребность* и даже как *основную потреб-*

ность, вплоть до требования, исходящего от всего общества, признать его главной потребностью, личным правом.

Такие права получают признание в принципиальных декларациях, таких как Декларация прав ребенка 1924 года или Декларация ООН 1959 года. Когда личное право вписывается в действующее право, то есть в законы общества, оно становится *юридическим правом, подлежащим соблюдению*. Таким образом, право становится потребностью, признанной обществом и закрепленной законодательно.

В принципе, государство должно иметь возможность принуждать к соблюдению таких юридических прав. В этом состоит цель Конвенции ООН о правах ребенка 1989 года.

Итак, мы должны различать: личные права, являющиеся, по сути, принципами, такие как право каждого ребенка быть любимым, и юридические права, соблюдение которых должна добиваться государственная власть страны, в том числе и в принудительном порядке; речь может идти, например, о праве ребенка на имя и гражданство.

1 – Содержание этой страницы было навеяно неформальными беседами с бывшей коллегой, госпожой Пат Смайк (Pat Smyke), и с господином Хорди Котсом (Jordi Cots), в прошлом вице-президентом Бисе. Тем не менее вся ответственность за ее содержание лежит на авторе данной брошюры.

Эти два вида прав часто смешиваются, но если в некоторых случаях они могут пересекаться, то все личные права не могут быть гарантированы как юридические права.

Тем не менее мы не должны считать юридические права более важными, чем другие права. Например, право ребенка быть любимым, бесспорно, является фундаментальным с многих точек зрения, но государству трудно облечь его в конкретную юридическую форму, обязательную для исполнения. При этом если законодатель не может все регламентировать с помощью закона, то он может помочь создать такие юридические условия, которые будут способствовать соблюдению некоторых личных прав, например посредством

Семейного права, касающегося биологических или приемных семей.

Личные права (принципы) и юридические права по-разному действуют в обществе. Только учитывая эту разницу, мы можем полностью посвятить себя борьбе за их соблюдение.

Законы часто лишь признают и регулируют уже существующую ситуацию. Они следуют за жизнью. Но законодатель может попытаться реформировать сложившуюся ситуацию более волюнтаристским способом, с помощью нового законодательства. В таком случае целью законов является изменение общества. Это рискованное намерение, поскольку оно часто касается болевых точек жизни общества.

Когда Тим понял, что речь идет о президенте страны, он воспрянул духом и просто заявил о том, что он – сын президента. Судья в замешательстве. Она думает, что это шутка, и уточняет, что такая информация отсутствует в его деле. Но Тим настаивает и объясняет: в исправительной колонии воспитатели внушили ему, что президент – это отец всех детей, живущих в государственных учреждениях. Позже Тим сам скажет, что юмор помогает бедняку крепко стоять на ногах.

Судья должна выполнять требования действующего законодательства. Здесь мы коснулись важного аспекта. Настоящая бедность часто ставит проблемы, которые не вписываются в рамки, установленные обществом, ни даже в систему борьбы с маргинальностью. Речь идет о характеристиках бедности и маргинальности. Мы не можем делать вид, что эта реальность не существует или что она не должна существовать.

В данном конкретном случае – без всякой попытки делать обобщения – именно чувство юмора Тима подсказало решение. Конструктивный юмор не отрицает наличие проблем, но, в то же время он привлекает внимание к позитивному, забытому или не принимаемому в расчет обстоятельству. Как в данном случае, такой юмор часто является следствием экстремальной логики, помогающей выйти за нормативные или эмпирические рамки, которые навязывает нам жизнь.

На этом выбор законных решений исчерпался. Для поиска решения, отдающего должное желанию Тима двигаться вперед, его резильентности и его правам с нравственной точки зрения была необходима резильентность Тима, подкрепленная его юмором. Если для Тима нужно было сделать исключение, то последнее также нуждается в Тиме и в его решимости выкарабкаться. Резильентность и право поддерживают друг друга.

Тим предлагает написать письмо с требованием сделать для него исключение из правил. Он пишет всего несколько фраз своему папе-президенту, потому что едва умеет писать. Судья обещает Тиму следить за движением письма, снабдив его запиской от своего имени. Разрешение сделать исключение, на которое возлагалось столько надежд, приходит спустя несколько недель. Перед Тимом открывается новая жизнь.

Циник сказал бы, что все могло сложиться иначе. Тем не менее даже он должен признать, что факт налицо. Возможность иного применения

закона вполне реальна, как возможность выйти из состояния жертвы, замкнутой на самой себе.

Жизнь необратима. Тим не может переделать свое прошлое. Но эта необратимость совершенно не означает, что прошлое Тима будет лежать тяжелым бременем на его будущем.

Даже жертва должна рано или поздно нести ответственность – не обязательно за то, что с ней случилось, но за свое будущее. Речь, может быть, идет о минимальной, но вполне реальной ответственности, связанной с ответственностью тех, кто окружает жертву. Основной практический вопрос, касающийся как резильентности, так и прав, следующий: «Что мы можем построить вместе?» Встреча Тима с судьей прекрасный тому пример.

Мы видим, что соблюдение прав, также как и «построение» резильентности, объединяет ответственность различных слоев общества, начиная – в данном конкретном случае – с ответственности мальчика, находящегося в конфликте с законом, и кончая судьей и президентом республики. Чтобы права могли осуществляться, а резильентность – развиваться, необходимо, чтобы каждый брал на себя ответственность на своем уровне, каков бы ни был этот уровень.

Таким образом, мы идем дальше, чем традиционное деление на «левый – правый», которое придает слишком большое значение либо исключительно коллективной ответственности, либо исключительно персональной ответственности. Общество не может допустить разграничения ответственности на разных уровнях. Ответственность на одном уровне не может прятаться за ответственность на другом уровне. Напротив, разные уровни должны действовать сообща.

ПРАВА РЕБЕНКА В ДАТАХ

1924

Эглантин Джебб (Eglantyne Jebb), создатель организации «Спасение детей» (Save the Children) — французское название — Union Internationale de Secours aux Enfants (Международный Союз Спасения Детей) составляет Женевскую Декларацию в пяти пунктах, в которой закрепляются права ребенка. Союз принимает эту декларацию в 1923 году. Лига Наций, предшественница Организации Объединенных Наций, присоединяется к декларации в 1924 году. Этот очень сжатый документ был разработан вскоре после Первой мировой войны. Декларация написана простым, конкретным и понятным языком. В ней говорится о внимании, на которое дети имеют право в любой ситуации, и в косвенной форме — об ответственности детей. Документ настолько краток, что он легко помещается в записной книжке, как приглашение к ежедневному размышлению. Менее известный, чем Конвенция, этот документ является ценным источником вдохновения. Вот почему мы поместили его в конце данной брошюры.

1959

В 1946 году Организация Объединенных Наций (ООН) вместе с несколькими неправительственными организациями (НПО) начинает работу над Декларацией прав ребенка, включающей преамбулу и десять принципов. 20 ноября 1959 года Декларация была единогласно принята 78 государствами, членами ООН на тот момент. В начале этого процесса ООН едва насчитывала пятьдесят членов.

1978

Польша вносит предложение преобразовать Декларацию 1959 года в Конвенцию, имеющую силу закона, без внесения изменений в текст, что создавало техническую проблему из-за формальной и содержательной разницы между нравственными принципами и текстом закона. Многочисленные правительственные делегации и НПО предлагают перенести обсуждение этого вопроса с тем, чтобы можно было воспользоваться результатами и выводами исследований, которые должны были проводиться в 1979 году, объявленном Международным годом ребенка.

1979

Комиссия ООН по правам человека создает специальную группу для разработки Конвенции о правах ребенка. В конвенции эти права будут не только признаны в качестве принципов, но будут иметь силу закона.

1988

В 1983 году организация *Défense des Enfants International*, Рэда Барнен (*Save the Children*, Швеция) и Бисе вошли в состав специальной группы НПО по разработке Конвенции. Постепенно состав группы расширился. В 1985 году правительственные делегации положительно оценили качество работы НПО. В 1988 году была закончена работа над составлением текста Конвенции, насчитывающей 54 статьи. Конвенция считает ребенком каждое человеческое существо, не достигшее 18-летнего возраста.

1989

20 ноября 1989 года Генеральная Ассамблея ООН принимает

текст Конвенции, которая вступает в силу после того, как ее ратифицировали правительства двадцати стран, подписавшие этот документ.

1990

26 января 60 государств подписывают Конвенцию. 3 августа 20 стран ратифицируют текст Конвенции. 2 сентября она вступает в силу. Это означает, что Конвенция становится законом для тех стран, которые ее ратифицировали.

2009

Все страны – члены ООН, кроме Сомали и Соединенных Штатов Америки, ратифицировали Конвенцию. США редко ратифицируют международные договоры. Эта страна ставит свой суверенитет выше многих международных договоров. Тем не менее США подписали Конвенцию, и в тот момент, когда версталась книга, в этой стране проходила кампания за ратификацию Конвенции.

3 | СВЯЗЬ МЕЖДУ ПРАВАМИ РЕБЕНКА И РЕЗИЛЬЕНТНОСТЬЮ

Чтобы придать правам ребенка более конкретную форму, давайте обратимся сначала не к правам ребенка вообще, а к Конвенции ООН о правах ребенка ввиду ее приоритетного характера. При этом мы будем также говорить о правах ребенка в широком смысле, в том числе и о личных правах (принципах), которые со всей своей спецификой не вписываются в юридические рамки.

Конвенция и резильентность придают друг другу дополнительную силу. Чтобы права облекались в конкретную форму, Конвенции необходима жизненная энергия, которая составляет силу резильентности. Право живет только тогда, когда субъект права может нести за него ответственность. Для чего наделять людей правами, если они не могут нести за них ответственность? В этом случае право будет существовать только на бумаге, а в конкретной жизни оно останется мертвой буквой. Это напоминает высказывание одного уличного работника из Латинской Америки: «Если уличный ребенок не несет, может быть, ответственность за свое прошлое, он должен взять на себя минимальную ответственность за строительство своего будущего, даже если мы помогаем ему в этом». С другой стороны, соблюдение прав ребенка очень способствует развитию резильентности детей. Если его элементарные права нарушаются, даже ребенок, обладающий сильной резильентностью, может быть раздавлен, о чем свидетельствует трагическая судьба Анны Франк, погибшей в концентрационном лагере. *Итак, Конвенция и резильентность перекликаются и поддерживают друг друга.* Во многих случаях соблюдение прав детей и продвижение резильентности идут рука об руку. Возьмем в качестве примера проекты Бисе в Азии. Поддержка и укрепление семейной ячейки в этих странах имеют решающее значение для развития резильентности детей. На самом деле такая семья сможет защитить ребенка от опасностей, обеспечить его материальное и эмоциональное благополучие и способствовать, таким образом, соблюдению его прав.

Резильентность делает очевидным тот факт, что юридические и личные права дополняют друг друга. Эта взаимная перекличка Конвен-

ции и резильентности происходит также напрямую, когда мы рассматриваем права ребенка как таковые. Она делает очевидной *взаимодополняемость юридических и личных прав или принципов*. Действительно, даже если Конвенция соблюдалась бы полностью, резильентность напоминает нам о том, что у ребенка есть и другие общепризнанные потребности – и в этом смысле права, – которые Конвенция как таковая не может гарантировать. Например, право на то, чтобы ребенка принимали таким, каков он есть, при том что его поведение может не одобряться.

Конвенция устанавливает нормативные рамки, а резильентность обеспечивает жизненной энергией. Резильентность не ограничивается нормативными рамками; это, в первую очередь, *человеческая реальность, жизненная энергия*, различные проявления которой в трудные моменты жизни нас по-хорошему удивляют. Связь резильентности с правами человека просматривается в деятельности Бисе в защиту интересов африканских детей, отбывающих тюремное заключение. Речь идет о проведении институциональных изменений в соответствии с Конвенцией и об одновременном высвобождении жизненных сил, позволяющих улучшить жизнь детей, – это длительные и трудные процессы. Попробуем проиллюстрировать связь резильентности с правами с помощью такой метафоры: если хорошо сложенный камин создает уютную атмосферу и ощущение защищенности, то в нем нужно еще развести огонь. Конвенцию можно сравнить с камином, а резильентность – с огнем.

Конвенция и резильентность носят универсальный характер. Конвенция была ратифицирована всеми странами нашей планеты, кроме двух, но и для них приглашение ее ратифицировать остается в силе. Эффективное соблюдение Конвенции еще не носит универсального характера, но такая цель остается, и для этого во всем мире прилагаются серьезные усилия. Резильентность универсальна, потому что, насколько мы знаем, она встречается во всех культурах. Мы можем надеяться, что речь идет об универсальном человеческом потенциале. Но кто осмелится утверждать, что она является реальностью для каждого человека в любой ситуации? Тот факт, что мы стремимся отстаивать права детей и усиливать их резильентность, абсолютно не говорит ни о том, что не бывает неудач, ни о том, что в этих случаях мы должны испытывать чувство вины.

Нужно учитывать конкретную ситуацию. Конвенция должна претворяться в жизнь путем принятия соответствующих законов и установления социальных норм в *разных обстоятельствах*. Факторы,

способствующие развитию резильентности, также должны быть задействованы по-разному, в зависимости от обстоятельств. В этом смысле ни Конвенция, ни резильентность не должны лежать в основе методик работы, применяемых повсеместно и бездумно. *Это кажется парадоксальным, но конкретная и эффективная универсальность должна быть результатом «вращения» в культуру и в окружающее пространство. Мы ставим под сомнение не универсальность Конвенции и прав человека, а то, каким образом они претворяются в жизнь.* Или наоборот, как указывает Бисе в Азии, необходимость уважения местных традиций ставит иногда перед нами деликатную проблему выбора тех обычаев, которые нарушают права детей и с которыми нужно бороться.

Конвенция и резильентность указывают нам путь. Конвенция не может гарантировать счастье всем детям. Даже если все права, указанные в Конвенции, были бы по-настоящему соблюдены, ребенок все равно может быть несчастен. Но цель Конвенции иная. Речь идет об обеспечении *минимальных прав*, того, на что каждый ребенок имеет право из уважения к его чувству собственного достоинства. Вот почему использование такого инструмента, как Конвенция, является настоящим признаком цивилизованности. Сегодня еще не приходится говорить о полном соблюдении этих минимальных прав, как в материальном, так и в духовном плане, даже в так называемых развитых странах. Точно так же резильентность не является решением всех проблем. Она просто призывает иначе посмотреть на мир; этот иной взгляд подсказывает *новые пути* строительства или переустройства жизни.

Конвенция и резильентность опираются на нравственные принципы. Эти принципы часто остаются невидимыми, нечетко выраженными и скрываются, например, за такими размытыми понятиями, как высшие интересы или позитивное развитие ребенка. Эти нравственные ориентиры позволяют нам относиться к достоинству ребенка и его окружения как к непреложной ценности. Пренебрежение нравственными принципами легко приводит к различным тупиковым ситуациям. Например, нужно ли наказывать уличного ребенка, который занимается воровством, чтобы накормить своих голодающих близких? Конечно, он нарушил закон, но у него были похвальные намерения. Не лучше ли было бы поискать вместе с ним и с его близкими иные, более нравственные способы достижения той же самой цели?

Но на практике мы не всегда можем отрешиться от реальности, чтобы обратиться к моральной стороне вопроса. Действительно, что мож-

но сказать молодому человеку, который зарабатывает гораздо больше, торгуя наркотиками, чем выполняя «честную» работу, например слесаря или электрика? За неимением иных ценностей, кроме денег, справиться с такой задачей достаточно сложно.

Участие близкого и дальнего окружения. Резильентность строится во *взаимодействии* человека или группы людей, находящихся в трудной ситуации, со своим окружением. Это окружение составляет несколько *концентрических окружностей*: близкие люди, такие как семья и друзья, соседи, жители вашего и соседних кварталов, местное сообщество, власти всех уровней вплоть до правительственных кругов и даже, в некоторых случаях, международное сообщество. Резильентность не зависит только от человека. Даже Робинзон Крузо жил на своем необитаемом острове благодаря всему тому, чему он научился у других людей до кораблекрушения. Точно так же и с реализацией прав ребенка. Какими правами я обладаю, если мне не у кого потребовать их соблюдения? Права также образуют концентрические окружности вокруг ребенка, начиная с его ближайшего окружения и кончая государством и интернациональным сообществом.

Взаимосвязь разных уровней ответственности. Конвенция, так же как и резильентность, побуждает к *объединению ответственности отдельного человека или небольшой группы людей с ответственностью всего сообщества*. Таким образом, нам естественным образом предлагается не сосредоточиваться только на персональной ответственности, что характерно для либеральных взглядов, либо только на коллективной ответственности, свойственной социалистическому обществу. История Тима Генара, описанная нами ранее, являет собой пример взаимосвязи ответственности на разных уровнях.

Столкнувшись с социальной отверженностью, резильентность и права «перекликаются друг с другом». По-настоящему бедный человек часто сталкивается с таким комплексом проблем, что он отторгается любой административной или правовой системой, даже в рамках борьбы с бедностью. По утверждению международного движения ATD Quart-Monde, это *отторжение* само по себе является признаком крайней бедности. Но при всей необходимости структурных изменений существует опасность того, что эти изменения породят свои формы отторжения и не смогут побороть бедность. В этих крайних случаях резильентность может вдохновить на принятие творческих решений, как в примере с Тимом Генаром, описанном выше, — но без гарантии, что

решение будет найдено. Более чем когда-либо, резильентность и права ребенка «перекликаются друг с другом».

Конвенция и резильентность – это живые реалии. Конечно, Конвенция более кодифицирована, чем резильентность. При этом и та и другая не перестают постоянно развиваться, обогащаясь во взаимодействии с реальной жизнью. С одной стороны, существование Комитета ООН по правам ребенка свидетельствует о работе, проводимой внутри этой организации, так же как и деятельность многих лиц на местах. Постепенно мы узнаем, например, о конкретных формах участия детей в этой работе. С другой стороны, если многие ученые и практические работники во всем мире пытаются лучше понять резильентность, нам всем предстоит еще много узнать о ней из жизненных историй знаменитых и незнакомых людей, которые проявляли резильентность в определенных обстоятельствах.

Конвенция и резильентность: безбрежные горизонты. В продолжение предыдущего пункта отметим, что соблюдение прав детей с помощью Конвенции, так же как и использование резильентности, призывают нас постоянно подвергать все анализу и двигаться вперед постепенно, шаг за шагом. Это движение просматривается в вопросе, касающемся работающих детей: от совершенно сознательной идеи ликвидации *любой формы* детского труда мы переходим к идее недопущения трудовой эксплуатации детей и к идее интеграции труда в процесс обучения. Мы видим такую же динамику и в резильентности, потому что, если ничто никогда не теряется полностью, то точно также ничто никогда не приобретает полностью. Поэтому Конвенция, как и резильентность, открывают перед нами все новые и новые горизонты, граничащие с бесконечностью. Фактически мы здесь соприкасаемся с *трансцендентностью*, которая будет носить чисто светский характер для одних и иметь божественное начало для других. Это напоминает нам о прекрасном высказывании Бориса Цирюльника (Boris Cyrulnik): *«Любое человеческое существование – это ремесло, которым управляет трансцендентность»*¹.

Резюмируя все вышесказанное, мы можем утверждать, что если серьезная деятельность по защите прав ребенка не использует позитивную энергию резильентности, то она рискует утратить свою силу.

1 – Boris Cyrulnik, «Résilience et idéologie», dans *Enfance Majuscule*, n°72–73, sept-déc 2003, p. 11.

Возможна и обратная ситуация, хотя опыт показывает, что некоторые люди по тактическим соображениям предпочитают начинать свою деятельность с резильентности, поскольку в этой сфере возникает гораздо меньше проблем, чем в области прав ребенка.

КОНФЛИКТ МЕЖДУ ПРАВАМИ РЕБЕНКА И РЕЗИЛЬЕНТНОСТЬЮ?

До настоящего момента мы предполагали, что между резильентностью и правами ребенка нет или бывает мало противоречий. Но так ли это? Тони Ньюман справедливо замечает, что резильентность не идентична положительному социальному поведению и что, преодолевая трудности, некоторые люди становятся очень жесткими или замыкаются в себе¹, и это может иметь обратные последствия для прав ребенка. Проблема использования вредных стратегий для построения псевдорезильентности признается и другими авторами². Поскольку резильентность — это не только концепция,

а прежде всего человеческая реальность, для нее не существует только одного определения, что характерно и для других понятий, касающихся реальной жизни. Не существует ведь определения любви или времени, что не мешает нам чувствовать любовь и использовать концепцию времени. Тем не менее отсутствие точной формулировки может привести к некоторым искажениям понятия, например в случае определения резильентности без учета нравственного аспекта. Если принимать этот аспект во внимание, то будет ясно, что резильентность не строится любой ценой ни для себя, ни для других. Давайте говорить в этом последнем случае скорее о несовершенных защитных механизмах. Не будем забывать этот нравственный аспект при определении резильентности или критериев резильентности,

1 – Tony Newman, «Limits to the Concept of Resilience», dans Margaret McCallin, *Child Rights and Resilience*, rapport d'une consultation internationale, Bice, Genève, 2005, p. 31–37.

2 – Stanislaw Tomkiewicz, «Du bon usage de la résilience», dans *La Résilience. Résister et se construire* sous la direction de Michel Manciaux, Editions Médecine & Hygiène, Genève, 2001, p. 229–237.

например такого, как *позитивное* развитие в трудных условиях или способность брать на себя личные и социальные обязательства на длительный срок. Это разъяснение подтвердится, если мы обратимся к последнему критерию, касающемуся права и нравственности, а именно к *человеческому достоинству*¹.

Тем не менее Тони Ньюман² задает два существенных вопроса: случается ли, что развитие резильентности вступает в конфликт с правами ребенка? Случается ли, что продвижение прав ребенка ослабляет резильентность детей? Ответ на первый вопрос может быть положительным, если речь идет о слишком суровом воспитании, а на второй — в случае, когда ребенка слишком опекают и признают только его права в ущерб ответственности, которую он должен нести. Нравственные критерии могут помочь избежать этих ловушек. Но этого можно добиться более радикальным способом, если рассматри-

вать права и резильентность не порознь, а вместе, следуя диалектике, выработанной ранее, в которой резильентность и права ребенка перекликаются, изменяют и поддерживают друг друга. Таким образом, мы извлекаем пользу из явного противоречия между резильентностью и правами ребенка, чтобы очистить оба эти понятия. Именно это подразумевает немеханический взгляд на резильентность и права ребенка.

В очередной раз такое рассуждение не может не привлечь наше внимание к нравственной стороне жизни. Возьмем на себя смелость привести сравнение скорее педагогическое, чем научное: если я противопоставляю слишком пресный вкус молока слишком крепкому вкусу кофе, меня, может быть, удовлетворит чашка кофе с молоком — это единственная возможность сделать так, чтобы эти два вкуса дополнили и улучшили друг друга.

1 – Olivier Peissard, *La dignité humaine dans le droit suisse et international relatif au génie génétique*, Thèse, Faculté de droit, Université de Fribourg (Suisse), imprimée à Yverdon-les-bains, 2008.

2 – Tony Newman, *ibidem*.

4 | ЛОВУШКИ, КОТОРЫХ СЛЕДУЕТ ИЗБЕГАТЬ

«Благими намерениями вымощена дорога в ад», – говорится в известной поговорке. То же самое можно сказать о правах ребенка и резильентности. Развитие их положительного потенциала предполагает, что мы должны быть готовы к возникновению некоторых проблем.

Одну из наиболее известных проблем представляет ребенок-король или даже ребенок-диктатор, для которого важны только его права и требования и который игнорирует права и потребности других людей. Такое поведение лежит, похоже, в основе проблемы родителей, которых избивают дети. Это следствие однобокого понимания прав детей. В конечном счете, ребенок и молодой человек также должны брать на себя ответственность исходя из своих возможностей. Иначе нарушается весь процесс его развития.

Но существуют менее известные и более тонкие проблемы. Мы поговорим лишь о некоторых из них, хотя этот список далеко не полон. Именно работа на местах и нравственное чувство привлекают наше внимание к этим проблемам. Мы намеренно называем их здесь, потому что резильентность могла бы предотвратить или решить их. *Тем не менее давайте всегда помнить о том, что польза от соблюдения прав детей и от резильентности, особенно когда они гармонично сочетаются друг с другом, намного превосходит опасность, которую могут иногда таить в себе оба этих подхода.*

Потенциальные проблемы резильентности

«Если я могу это сделать, то и другие тоже могут». Мы иногда слышим такие слова от людей, которые преодолевали серьезные трудности в своей жизни. Тем не менее, ни логика, ни анализ фактов не подтверждают такой взгляд на вещи. Это напоминает об ошибке, приписываемой великому немецкому композитору И.-С. Баху, который якобы заявил, что все те, кто старательно занимались бы музыкой, могли бы стать такими

же музыкантами, как он. Довольно спорное высказывание. Кстати, пути резильентности часто бывают очень разными, даже если они в чем-то совпадают. Резильентность и права ребенка напоминают нам, что ребенок должен иметь возможность развиваться с учетом своих способностей.

У человека портится характер – это другая возможная проблема, иногда связанная с предыдущей. Человек превозмог много трудностей, но стал очень черствым, часто сам не сознавая этого. Заплаченная цена может быть очень высокой. Резильентность ли это или тяжкий способ противостоять трудностям? Знак вопроса здесь оправдан. Этот факт вызывает, кстати, подозрения о серьезных нарушениях прав ребенка. Неизбежным следствием этого должен стать вопрос о реабилитации и о предотвращении таких проблем в будущем путем лучшего соблюдения прав ребенка.

ПРАВА РЕБЕНКА НУЖДАЮТСЯ В ЖИЗНЕННОЙ СИЛЕ РЕЗИЛЬЕНТНОСТИ. ПРИМЕР ЛАТИНСКОЙ АМЕРИКИ

Женщина-психолог, работающая с детьми с инвалидностью¹, свидетельствует: «Если говорить о детях с инвалидностью, то я заметила: многие семьи, которые не думали о том, что значит

принимать ребенка таким, каков он есть, говорят, что они целиком и полностью принимают своего ребенка-инвалида; на самом деле они не привлекают его к участию в семейных мероприятиях или слишком его опекают, не приучая к самостоятельности. То же самое происходит иногда в некоторых школах: ребенок находится в классе, но ему не дают возможности участвовать в социальной жизни или к нему относятся как к ученику „второго сорта“.

Я думаю, что большую роль здесь играет отсутствие информации

1 – Во французском языке есть более нюансированное и точное определение: «дети в ситуации инвалидности», которое более ясно указывает на то, что инвалидность связана не только с человеком, но и с более или менее травмирующей ситуацией. Тем не менее это определение не подходит для употребления в обычной речи (*прим. пер.*).

на эту тему. Если бы семья или сообщество знали об имеющихся возможностях для развития способностей человека с инвалидностью, возможно, они проявляли бы бóльшую активность. (...)

Я думаю, что дискриминация появляется тогда, когда мы ждем от инвалидов, чтобы они адаптировались к нашему миру и к нашему идеальному образу (...), тогда как мы не учитываем в полной мере их потребности.

Уже достигнуты серьезные успехи. (...) Государство ратифицировало многие международные договоры, говорящие об уважении прав лиц с инвалидностью, и выступило с различными инициативами, хотя некоторые из

них не были реализованы и пока остаются только на бумаге. (...)

Мне кажется, что если мы говорим о правах ребенка и об отсутствии дискриминации, необходимо продвигать программы, которые объясняют всем и каждому, как нужно действовать в повседневной жизни, чтобы действительно не подвергать дискриминации людей, которые отличаются от нас».

Цитируется по: *Raconte-moi... La Convention relative aux droits de l'enfant en Amérique latine. Paroles, voix, regards, rêves et réalités entrecroisées d'enfants, adolescents et adultes*, Bice, Bruxelles, 2009, p. 14–15.

Нам нужно избежать возможной *идеологической* ошибки: если у людей есть резильентность, зачем нужна социальная защита? Речь идет о неправильном толковании резильентности, которая понимается как некая форма неуязвимости или как панацея. Но неуязвимых людей не существует, а резильентность не может решить все проблемы. Наоборот, она строится во взаимодействии с системой социальной защиты. Резильентность может только подсказать органам социальной защиты идею о необходимости мобилизовать все ресурсы человека и не ставить, по возможности, человека в зависимость от социальных служб. Кстати, можно добиваться соблюдения некоторых прав, невзирая на то, проявляет ли человек резильентность или нет.

Вызывать чувство вины у жертвы, которой не удастся выкарабкаться из трудного положения, – это тоже одна из опасностей, которая подстерегает резильентность, в смысле: «Да, вы пострадали, а теперь вам нужно только проявить резильентность». Однако это удастся не всем. Но доброжелательное отношение к жертве – это первый шаг к резильентности в противовес внушению чувства вины. Впрочем, некоторые фундаментальные права – в том числе жертвы – существуют просто потому, что мы являемся человеческими существами. И в этом их сила.

Резильентность часто путают с *силой*, и даже с борьбой за жизнь. Это искусственное толкование. Действительно, резильентность часто уживается с некоторыми человеческими слабостями, иногда трансформируя их в достоинства, как в случае артиста, которого вдохновляют на творчество его душевные раны. Это близко к определению одного из прав ребенка, сформулированного знаменитым доктором Янушем Корчаком: «Ребенок имеет право на ошибку», что подразумевает отказ взрослых от иллюзорного желания иметь идеальных детей.

Одна из возможных опасностей – соблазн рассматривать резильентность и права ребенка без *нравственной составляющей*. Если говорить о резильентности, то это наводит на мысль о том, что результат должен иногда оправдывать использование средств, не имеющих оправдания. А в области прав ребенка нас подстерегает одна из двух ловушек: двигаться по инерции и признать, таким образом, правоту силы, закон джунглей; или противоположная ловушка, которая состоит в желании все решать в рамках закона, что очень быстро оказывается трудноисполнимым, если не невозможным.

Потенциальные нарушения прав ребенка

Механическое претворение в жизнь прав ребенка – еще одна опасность, которая добавляется к риску забвения моральных принципов. Мы можем проиллюстрировать это с помощью двух цитат, не относящихся к нашей теме. Английский монах Томас Калинан писал, что мы хотим создать настолько совершенные системы, что перестаем нуждаться в любви¹. Если довести это высказывание до абсурда и перенести его на права ребенка, то мы получим ребенка, права которого будут соблюдены – кроме его личного права на любовь, – но он не будет счастлив. Другая цитата, французского автора Шарля Бодуина, рассматривает этот же вопрос под другим углом: «Дьявол – это тот, кто заставляет нас верить, что всем можно заниматься без любви, даже любовью»². К счастью, сама преамбула Конвенции напоминает нам о том, что ребенку необходима атмосфера любви, которая не может быть навязана силой закона. Точно так же научные исследования и жизненный опыт сливаются, чтобы показать, что одной из основ резильентности является то, что другой человек принимает ребенка таким, каков он есть (но не одобряет его поведение). Да и пример Тима Генара, приведенный в начале этой книги, показывает, что судья руководствовалась общечеловеческими соображениями, а не обязанностью чисто механически применять статьи закона. Таким образом, права могут действительно основываться на человеческом достоинстве. Исходя из своего опыта работы с обездоленными южноафриканскими детьми, Линда Рихтер говорит об эмпатической заботе и тревоге³ как о связующем звене между резильентностью и правами ребенка, которое уводит от соблазна механического выполнения работы⁴. Английское выражение *emphatic care* близко к французскому термину «bientraitance»⁵.

Чувство полного удовлетворения представляет еще одну опасность, с которой мы сталкиваемся в ходе претворения в жизнь положений Конвенции. Соблюдать права, прописанные в Конвенции, тяжело уже само по себе. Но если эти права обеспечены, мы рискуем очень быстро испытать чувство полного удовлетворения и забыть о том, что Конвен-

1 – Thomas Culinan, inspiré par le poète TS Eliot, *If the Eye be Sound*, St Paul, Slough, 1975.

2 – Charles Baudouin, *Christophe le passeur*, La Colombe, Paris, 1964.

3 – Английское слово care не имеет французского аналога, состоящего из одного слова. Оно означает одновременно «заботиться о ком-то» и «тревожиться о ком-то».

4 – Linda Richter, «Emphatic Care. Between Child Rights and Resilience», dans Margaret McCallin, editor, *Child Rights and Resilience*, Bice, Genève, 2005, p. 43–50.

5 – Гуманное обращение (*прим. пер.*).

ция закрепляет лишь минимум тех прав, соблюдения которых мы должны добиваться. Жизненная энергия резильентности может нам напомнить о том, что эти права лишь начало и что мы должны идти дальше, чтобы жизнь стала по-настоящему полноценной.

Игнорирование других документов, касающихся прав ребенка. Конвенция занимает свое законное первое место в борьбе за права ребенка. Она облекает права ребенка в законную юридическую форму благодаря тому, что ее ратифицировали почти все страны нашей планеты, и благодаря механизму контроля, созданному внутри ооновской системы. Тем не менее, не будем забывать *другие документы*, касающиеся прав ребенка, которые не противоречат Конвенции, а удачно *дополняют* ее, особенно в части прав (принципов), которые выходят за юридические рамки. Это, в частности, Декларация 1924 года с ее гениальной простотой, и Права ребенка, очень тонко сформулированные польским доктором Янушом Корчаком. Факторы, которые влияют на резильентность, подтверждают эту взаимодополняемость.

Благотворительность и/или права? Уже было справедливо замечено, что необходимо переходить от работы, основанной на чистой благотворительности, к работе, основанной на правах ребенка. Благотворительность в чистом виде слишком зависит от воли отдельных лиц или отдельных групп людей, которые ограничиваются работой с некоторым количеством детей, иногда довольно большим. При этом они не стремятся добиться того, чтобы некоторые потребности и права были признаны универсальными для всех детей и чтобы государство несло ответственность за соблюдение этих прав самостоятельно или делегируя свою ответственность другим органам. Но существует другое толкование *благотворительности*, более благородное и глубокое, которое нам еще предстоит *открыть для себя*: благотворительность как *полнота прав*. Речь идет об уважении достоинства ребенка, даже если для этого приходится выйти за рамки того, что могут предусматривать законы и права. Такая благотворительность должна вступать в действие каждый раз, когда мы не ограничиваемся рамками признанных прав и когда уважение достоинства ребенка требует от нас идти дальше. Это может также относиться к лицам, сталкивающимся с массой проблем, решение которых не вписывается в систему борьбы с социальной депривацией. Пример Тима Генара, который мы приводили выше, иллюстрирует, каким образом резильентность может помочь найти выход. Достоинство ребенка напоминает нам о том, что благотворительность не может заменить права ребенка. И иногда оно призывает нас идти

дальше, постоянно расширяя поле своей благотворительной деятельности. Эта динамика становится более явной, когда мы рассматриваем права ребенка в их историческом развитии и размышляем о возможных путях их развития.

Забывать конечную цель. Права ребенка могут стать приоритетной целью деятельности, особенно тогда, когда они нарушаются, например, если детей, подвергают жестокому обращению, насильно призывают в армию или сажают в тюрьму. В этом случае существует опасность забыть о том, что права ребенка являются, в конечном счете, средством приближения к основной цели, а именно к уважению достоинства ребенка. Если мы будем систематически путать цель со средством, мы рискуем превратить права ребенка в *абсолютную цель* и упустить из виду их конечную цель, а именно достоинство ребенка, и начать продвижение к обществу людей, требующих соблюдения своих прав, но не думающих о своей ответственности.

Ничего больше не требовать от детей. Мы не должны делать из детей *пассивных обладателей своими правами*, иначе мы, парадоксальным образом, нарушим их права, в частности право ребенка на то, чтобы к его мнению прислушивались. Ребенок и молодой человек должны нести ответственность в соответствии с уровнем своего развития. Поскольку наше общество начинает это осознавать и говорить об этом, мы иногда слишком мало требуем от детей. В этом смысле резильентность также является естественным союзником прав ребенка, потому что она подразумевает активное участие ребенка или молодого человека.

Закрывать глаза на некоторые проблемы настоящего и будущего. Существуют проблемы, не связанные ни с правами ребенка, ни с резильентностью. Они являются следствием слишком *застывшего представления* о человеческом существе и о его правах. Например, мы закрываем глаза на некоторые нарушения, связанные с тем, что мы часто называем прогрессом. Мы не должны, конечно, отвергать все достижения современной жизни, но нам нужно объективно оценивать некоторые очевидные факты. Что сказать, к примеру, о насилии, ставшем уже обычным делом в СМИ, и, как следствие, о насилии как развлечении? О перенасыщении нашей жизни средствами массовой информации, которые заменяют собой непосредственный жизненный опыт и взаимодействие между существами из плоти и крови? Или об организации социальной жизни, которая совершенно не учитывает биоритмы ребенка? Или о внедрении в нашу жизнь наркотиков как неизбежного факта?

Эти размышления могут стать очень интересным, но трудным занятием, если мы зададим себе следующий вопрос: какой упрек выскажут будущие поколения взрослым, специалистам и всем остальным людям, жившим в начале нашего века, за невнимание к правам ребенка? В конечном итоге жестокое обращение с детьми не рассматривалось экспертами как таковое вплоть до 60-х годов прошлого века, несмотря на описание этого явления в литературных произведениях. Поставленные вопросы не требуют абсолютных ответов. Их цель в другом: мы должны всегда помнить о правах и достоинстве ребенка и активизировать, по возможности, деятельность по выявлению проблем, которые еще ждут своего решения.

ПРАВА РЕБЕНКА И РЕЗИЛЬЕНТНОСТЬ: РУКА ОБ РУКУ. ПРИМЕР АФРИКИ

Мы приводим в качестве следующего примера историю, произошедшую в стране, которую мы предпочитаем не называть, чтобы сосредоточенность на конкретной стране не исказила бы наше восприятие. Такая ситуация может произойти в любой стране. Мы взяли ее из практики работы Бисе.

Женщина – социальный работник, работающая с заключенными, обнаружила однажды среди взрослых заключенных ребенка, который находился там совершенно один и к которому никто никогда не приходил. Мальчик

убежал от гражданской войны, разразившейся на его родине. Он бежал вместе со своей семьей, но все его родственники были убиты по дороге, некоторые прямо на его глазах. В конце концов ребенок пересекает границу соседнего мирного государства и оказывается в большом городе, где он пытается худо-бедно выжить на улице. Но, как свидетельствует социальный работник: «В некоторых странах бедному человеку очень легко умереть законным способом, но выжить в полном соответствии с законом – проблема практически неразрешимая». Этот ребенок-беженец не был исключением. Схваченный на месте преступления, он был заключен в тюрьму. За неимением семьи и друзей, в отсутствие нормальной действующей пенитенциарной системы, он мог там так и остаться, всеми забытый. Женщина –

социальный работник, которая его обнаружила, хочет помочь ему добиться соблюдения его прав, в частности со стороны администрации, но, чтобы ее попытки увенчались успехом, ей нужно также проверить, каким образом ребенок может «возродиться к жизни» и перестроить свою жизнь, короче говоря, проявить резильентность.

Она начинает с того, что налаживает с ним контакт, который служит фундаментом и отправной точкой для дальнейшей работы. Затем она ищет в характере ребенка что-то позитивное, за что можно будет зацепиться и с чего можно будет начать процесс «реконструкции», не ограничиваясь простым «восстановлением». Проводя много времени с ребенком и предлагая ему различные занятия, она узнает, что мальчик хорошо рисует. Она помогает ему развить эти способности, что повышает самооценку юного заключенного. Позже мальчик заинтересовался искусством батика. Затем появилась идея открыть, после выхода из тюрьмы, магазин по продаже

батиков. Это потребует приобретения новых знаний и навыков, на этот раз в области коммерции. Планы мальчика придают смысл его жизни. Оказавшись на свободе, он смог реализовать свой план при поддержке социального работника. Конечно, речь идет не о легком и гладком процессе, а о трудном пути с многочисленными взлетами и падениями, но в позитивном направлении.

Борьба за права ребенка должна приобрести конкретные формы в жизни отдельных детей, но она должна касаться также всех детей, которые находятся в аналогичной ситуации. Поэтому Бисе содействовало созданию специальных отделений для несовершеннолетних в тюрьмах некоторых африканских стран и провело обучение судей, полицейских, тюремных надзирателей и социальных работников, чтобы дать им более глубокие знания.

Вот путь, по которому реализм и надежда, резильентность и права детей идут рука об руку.

5 | ИЗМЕНЕНИЕ УГЛА ЗРЕНИЯ

Права ребенка меняют наш взгляд на реальность. Ребенок больше не является только объектом нашей заботы, нашей доброжелательности и нашего внимания. Он – человеческое существо, у которого есть права, уже потому что он – человек, который достоин уважения просто по факту своего существования. То обстоятельство, что младенец не является взрослым, может изменить методы работы с ним, но суть дела от этого не меняется.

Резильентность делает также иным наш взгляд на реальность, потому что мы отказываемся видеть в другом человеке только его проблемы, а воспринимаем его как человеческую личность, безусловно, со своими проблемами, но имеющую и свои ресурсы, и свою жизненную историю и индивидуальность. Судя по свидетельствам практических работников, очень большое значение имеет взгляд на ребенка-инвалида под таким углом зрения. Вижу ли я ребенка за его инвалидность? Какие новые горизонты открываются передо мной, если мне удастся разглядеть ребенка, естество которого не сводится к имеющимся нарушениям? Изменение взгляда на ребенка-инвалида может иметь очень серьезные практические последствия. У одного из самых знаменитых современных швейцарских философов Александра Жольена (Alexandre Jollien) – врожденные двигательные нарушения. Благодаря поддержке друзей, которые поверили в него как никто – больше, чем специалисты, – он смог реализовать свою мечту и заняться изучением философии. Его произведения получили высокую оценку не только в среде философов, но и среди широкой публики.

Приведем несколько примеров изменения взгляда как на резильентность, так и на права ребенка. Некоторые соображения будут повторением того, о чем мы уже говорили, но важность изменения угла зрения оправдывает нашу настойчивость.

Человека принимают как такового. Он не воспринимается ни как набор проблем, ни как случай, с которым нужно работать. Если гово-

речь о резильентности, то это выражается в том, что человека принимают таким, каков он есть, не обязательно одобряя его поведение. Применительно к правам ребенка это означает, что мы признаем ребенка как личность, обладающую правами. Но это также означает, что ребенок принимает, в меру своих возможностей, участие в процессе своего развития. Мы приближаемся здесь к латиноамериканскому понятию «protagonisme»¹ в применении к ребенку. В Конвенции это понятие незримо присутствует в основном принципе соблюдения высших интересов ребенка, который требует его полного признания как такового.

Человек рассматривается во взаимодействии со своим окружением. Резильентность и права ребенка строятся и реализуются, вступая во взаимодействие с другими людьми и двигаясь по расширяющимся орбитам концентрических окружностей, начиная с его ближнего окружения и кончая государством. Так, например, работа с заключенными детьми естественным образом приводит к работе с тюремной администрацией или даже к законодательной работе в данной стране.

Принимаются во внимание не только проблема(ы), но также и ресурсы ребенка и его окружения. Такое изменение взгляда на вещи вытекает из двух предыдущих пунктов. Тем не менее мы считаем важным выделить этот пункт, потому что он имеет очень большое значение для практической деятельности, в том числе для приспособления некоторых систем диагностики к конкретной ситуации. Например, наблюдая за лицами, получившими увечья в результате несчастного случая, врачи ЛФК и реабилитологи проводят очень тщательное изучение функций не только действующих, но и действующих органов, которые можно будет развить и использовать для стимуляции моторики. Такой взгляд необходим для развития резильентности, но он незримо присутствует также и в Конвенции.

Потребность в логике созидания. Мы часто приступаем к работе с выявления проблемы, которую нужно решить. Но тогда существует опасность увидеть в человеке только его проблемы (см. выше). Более того, мы рискуем впасть в логику ремонтного рабочего, который видит свою задачу только в починке механизма, вышедшего из строя. Такой подход к делу имеет право на существование, но для работы с людьми

1 – В русском языке нет слова «протагонизм», но есть слово «протагонист», обозначающее «лицо, играющее ведущую роль в каких-либо событиях» (первоначально – исполнитель главной роли в древнегреческом театре). – Большой толковый словарь русского языка. / Гл. ред. С. А. Кузнецов. СПб., 2009 (прим. пер.).

он недостаточен. Во многих случаях нам нужно будет следовать логике созидания (построения чего-либо), как ребенку, собирающему свой конструктор. Мы должны задаваться не только вопросом «В чем состоит проблема и как нам ее решить?», но и «Что мы можем построить вместе из имеющихся элементов?». Случай из жизни Тима Генара, приведенный выше, прекрасно иллюстрирует этот пункт. Возьмем другой пример: полицейские одного бельгийского городка решили снизить уровень насилия среди молодежи в одном квартале. Они заметили, что молодые люди, живущие в нем, проявляют большой интерес к мотоциклам. Полицейские помогли создать кружки по вождению и ремонту мотоциклов. Таким образом, полицейским удалось направить энергию и способности этих молодых людей на достижение конструктивных целей. Задача была выполнена. Перед нами иллюстрация логики созидания, адаптированной к местным обстоятельствам. Она очень отличается от репрессивного и немедленного реагирования с целью взять проблему под контроль или ее ликвидировать. Такая логика действий может заинтересовать других людей, работающих в иной области, но как таковая она не может применяться во всех случаях.

*От детерминизма и фатализма – к реализму и надежде*¹. Резильентность показывает, насколько ложен детерминизм, который – что еще хуже – в некоторых случаях становится сбывшимся предсказанием. Например, считается, что ребенок, переживший насилие, фатальным образом обречен на проявление насилия по отношению к своим детям. Если такие случаи воспроизводства насилия повторяются из поколения в поколение, их ни в коем случае не следует обобщать. Действительно, большинство насильников подвергалось насилию в детстве, но из этого не следует, что все дети, пережившие насилие, станут насильниками. Для сравнения: если верно, что все разведенные супруги состояли в браке, то это не означает, что все супружеские пары будут разводиться. Помимо всего прочего, права ребенка как таковые являются выражением неприятия любого фатализма, особенно если иметь в виду их универсальный характер. Каждый ребенок, а не небольшая избранная часть детей, имеет право на определенные вещи. Следовательно, мы должны отказаться от цинизма, который является реализмом, лишенным надежды, и от иллюзий, которые являются надеждой, лишенной реализма, чтобы каждый день работать над сближением надежды и реализма: надежда, имеющая под собой реальную основу, является источником жизненно необходимого вдохновения.

1 – Идея о сближении реализма и надежды принадлежит профессору Фридриху Лезлю (Friedrich Loesel) из Университета Эрлангена-Нюрнберга.

ТРУДНО, НО ОЧЕНЬ ВАЖНО: ЧТОБЫ ВИДЕТЬ, НАМ ДАНЫ НЕ ТОЛЬКО ГЛАЗА

Мы легко можем недооценивать трудность и значение изменения взгляда на вещи. Если говорить о наполовину пустой или наполовину полной бутылке, то станет понятно, о чем идет речь. Тем не менее во многих случаях изменить этот взгляд бывает очень трудно. А ведь это первый шаг к настоящему прорыву, основа новых представлений, источник появления новых подходов. Примеров тому в истории науки, в истории обыденных вещей, в эволюции представления о человеке великое множество. Вот некоторые из них.

Как только было установлено, что линза помогает решать зрительные проблемы, наиболее очевидным шагом казалось использование очков. Но на деле все оказалось не так просто. Мы будем говорить о Европе, потому что в Китае у очков иная история. Польза линз была открыта в XIII веке в Италии, в районе Пизы. В то время линза вставлялась в железный, костяной или деревянный ободок и была оснащена

ручкой, позволявшей ее держать. Позже появились очки с двумя стеклами, но их по-прежнему нужно было держать в руке перед глазами. Проблема фиксации очков перед глазами оставалась неразрешенной. Было изобретено пенсне, имевшее очень большой успех, затем очки с бантом, который нужно было обвязывать вокруг головы, очки-шляпа, в которых стекла были прикреплены к козырьку — это было, возможно, самое элегантное решение, — затем монокль и лорнет, который тоже нужно было держать в руке. В XVIII веке появились наконец очки в оправе в том виде, в котором мы их знаем. В 1746 году парижский оптик создал оправу с боковыми опорами, прилежавшими к вискам. В 1752 году лондонский оптик сделал дужки более длинными, заходящими сверху за уши, и соединил их. Таким образом, появилась оправа, державшаяся на ушах. И лишь в 1857 году один парижский оптик придумал носовую перемычку. Потребовалось несколько столетий, чтобы изменить взгляд на эту вещь, что имело большое практическое значение, не сразу ставшее очевидным: чтобы хорошо видеть, нужно всегда использовать глаза, но иногда также уши и нос.

В науке изменение взгляда на вещи лежит в основе многих открытий. Например, теория

эволюции, которая предполагает наличие связи между обезьяной и человеком, между всеми человеческими существами. Или возьмем цифру «ноль». Вся средиземноморская цивилизация, которая знала блестящих математиков, не смогла открыть цифру ноль. Этот пробел имел серьезные последствия. Например, было очень трудно, чтобы не сказать невозможно, производить сложные подсчеты, потому что в системе счисления не хватало цифры ноль. Попробуйте, например, с помощью карандаша и бумаги, используя римские цифры, без ноля, умножить 2705 на 1093! В конце концов Европа позаимствовала цифру «ноль» у Индии благодаря

арабам. Длительная и серьезная полемика развернулась вокруг 1000 года. Судя по всему, открытие цифры «ноль» принадлежит также цивилизации майя. Можно задать и такой вопрос: каков был взгляд на женщину и на ребенка до Второй мировой войны или в век Просвещения? Или представление о различных цивилизациях? Какое будущее ждет человечество, которое нам предстоит открыть?

Мы так настаиваем на трудности и важности изменения взгляда на вещи, потому что это изменение имеет фундаментальное значение, тогда как трудность такого поворота легко недооценить.

6 | ВПЕРЕД, К КУЛЬТУРЕ ДЕТСТВА?

Выражение «культура детства» существует так давно, что очень трудно определить, когда оно появилось. Но в большинстве своем наши общества еще очень далеки от нее. Тем большее значение это выражение имеет для выбора вектора нашей деятельности.

В свете всего вышесказанного мы можем утверждать, что сочетание резильентности как жизненной энергии и прав ребенка как нормативных рамок дает нам потрясающую возможность черпать вдохновение для продвижения к культуре детства. Постепенное претворение в жизнь такой культуры облачает достоинство детей в конкретную форму.

В этом смысле конвенция идет еще дальше. Хорди Котс отметил, что Конвенция включает в себя важную педагогическую составляющую¹. Речь идет об инструменте, позволяющем взрослым вести диалог с детьми. Котс продолжает и цитирует норвежку Маалфрид Флеккой (Maalfrid Flekkoeu), первую защитницу прав детей: «(Конвенция) связывает права со знаниями о развитии ребенка. Претворение в жизнь Конвенции подразумевает знание физических и психических потребностей детей». И, как замечает Хорди Котс, мы могли бы к этому добавить еще и духовные потребности.

Культура детства предусматривает не просто особое внимание к ребенку, которое он, безусловно, заслуживает. Такое внимание должны оказывать не только специалисты, работающие в области детства, но и представители всех кругов, прямо или косвенно связанных с детьми. Это касается, например, архитекторов и градостроителей, потому что дети должны жить в домах и кварталах, которые они проектируют, или политиков, которые принимают законы, оказывающие свое воздействие на жизнь семей и детей, или руководителей СМИ и всех остальных. Каждый должен выработать у себя условный рефлекс, который по-

1 – Jordi Cots, «Le Bice et les droits de l'enfant», dans *L'enfance dans le monde*, 1996.

буждал бы нас активно вовлекать детей в различную теоретическую и практическую деятельность, и все это без всякого политического или коммерческого расчета.

Утопична ли идея о создании сообществ, в которых различные группы специалистов и добровольцев действовали бы каждый в своей области в соответствии с рефлексом «детства», то есть исходя из потребностей детей? Или какое место отвести «философии для детей», которая вполне себя оправдала, в том числе и в работе с очень обездоленными детьми? Она позволила использовать способность таких детей восхищаться, а также развивать их аналитические способности и выслушивать их мнение по тем вопросам, которые затрагивают их интересы и потребности.

Если общество уже признает права детей, оно поймет, может быть, однажды, что дети нужны ему не только для решения демографических проблем или для обеспечения своего будущего. Участие детей – совершенно необременительная задача. Это обогащение. Участие детей учит нас видеть мир глазами ребенка – но не только, – без демагогии, и открывает перед нами новые горизонты. Действительно, так часто забытые или заброшенные, *«дети должны быть очень снисходительны к взрослым»*¹.

1 – Антуан де Сент-Экзюпери. *Маленький принц*. Сочинения. М.: Художественная литература, 1964. С. 448.

ПРИЛОЖЕНИЯ

В этих приложениях мы даем ссылку, по которой в Интернете можно найти полный текст Конвенции ООН о правах ребенка на разных языках, слишком длинный для того, чтобы мы его воспроизвели в этой работе.

Мы добавили к этому Женевскую Декларацию 1924 года и текст, в котором излагаются права ребенка так, как их видел Януш Корчак, потому что эти документы рискуют остаться в тени Конвенции, хотя они оба очень обогащают ее с точки зрения гуманизма и нравственности, что никоим образом ни в чем не умаляет ее значения. Вместе с Конвенцией они стимулируют и питают в малейших нюансах наши размышления по поводу прав ребенка, что является необходимым, но недостаточным этапом на длинном пути к настоящей культуре детства.

Конвенция ООН о правах ребенка

Полный текст Конвенции ООН о правах ребенка можно найти на разных языках, в том числе и на русском, на веб-сайтах: **www.ohchr.org** или **www.crin.org**.

Женевская Декларация была принята Генеральным советом Международного союза спасения детей на своей сессии 23 февраля 1923 года, проголосована Исполнительным комитетом на заседании 17 мая 1923 года и подписана членами Генерального Совета 28 февраля 1924 года.

Затем она была принята на V Ассамблее Лиги Наций на ее пленарном заседании 26 сентября 1924 года.

Женевская Декларация (1924 г.)

Признавая, что Человечество должно давать ребенку все лучшее, что у него есть, мужчины и женщины всех наций провозглашают настоящую Декларацию прав ребенка, получившую название Женевской Декларации, и принимают на себя следующие обязательства, вне зависимости от расы, национальности или религии:

- 1** | Ребенку должны быть обеспечены все условия, в том числе и материальные, для нормального развития.
- 2** | Голодный ребенок должен быть накормлен; больной ребенок должен получить лечение, отстающий ребенок должен получить поддержку; оступившийся ребенок должен быть направлен на путь истинный; сирота и брошенный ребенок должны получить приют и поддержку.
- 3** | В трудную минуту ребенок должен получать помощь в первую очередь.
- 4** | Ребенку должна быть предоставлена возможность зарабатывать себе на жизнь и быть защищенным от всех форм эксплуатации.
- 5** | Ребенок должен воспитываться в сознании, что его лучшие качества должны будут служить на пользу другим людям.

Януш Корчак (Janusz Korczak; настоящее имя Генрик Гольдшмит (польск. Henryk Goldszmit), 1878–1942, польский врач-педиатр, признанный экспертом в области детства еще до Второй мировой войны. Став директором детского дома для еврейских детей, он отказался их оставить, когда они были депортированы нацистами в лагерь смерти в Трешлинку, и последовал за ними. Он был предвестником прав детей и ненасильственного воспитания еще до принятия Декларации о правах детей 1924 года. Его убеждения рассыпаны во множестве его текстов, в том числе в следующих работах: «Как любить ребенка» и «Право ребенка на уважение». Существует несколько списков прав детей по Корчаку, которые основываются на интерпретации его идей. Мы выбрали довольно сжатый список, но близкий к его оригинальным размышлениям, без особых интерпретаций.

Источник: Jordi Cots, «Le Bice et les droits de l'enfant», dans L'enfance dans le monde, Bice, Genève, 1996.

Права ребенка по Янушу Корчаку

Ребенок имеет право на уважение.

Ребенок имеет право жить здесь и сейчас.

Ребенок имеет право на ошибку.

Ребенок имеет право на то, чтобы его воспринимали всерьез.

У ребенка есть право иметь свои секреты.

Ребенок имеет право на уважение к своему горю.

Ребенок имеет право на интимную беседу с Богом.

Ребенок имеет право на преждевременную смерть.

Библиография: советуем прочитать

BARUDY J., DANTAGNAN M., *Los buenos tratos a la infancia*, Gedisa, Barcelona, 2007.

BOESCH J., TOSCANI L., direction «Chemins de résilience», *Médecine et Hygiène & Hôpital universitaire de Genève*, Genève, 2006.

CONNORS J., PANAYOTIDIS A., ZERMATTEN J., *18 Candles. The Convention on the Rights of the Child Reaches Majority*, Institut international des droits de l'enfant (IDE), Sion, 2007.

COTS J., «Le Bice et les droits de l'enfant», dans *L'enfance dans le monde*, 1996.

CYRULNIK B., «Résilience et idéologie», dans *Enfance Majuscule*, n°72–73 septembre-décembre 2003, p. 11.

GILLIGAN R., «Positive Turning Points in the Dynamics of Change over the Life Course», dans Mancini S., Roberto K., *Pathways of Human Development – Explorations of Change*, Lexington Books, Lanham, Maryland, 2009, p. 15–34.

GUENARD T., *Plus fort que la haine*, Presses de la Renaissance, Paris, 1999.

KOTLIARENCO M.A., *Resiliencia. Construyendo en Adversidad*, Ceanim, Santiago di Chili, 1996.

LECOMPTE J., *Guérir de son enfance*, Odile Jacob, Paris, 2004.

LECOMPTE J., VANISTENDAEL S., *Le bonheur est toujours possible*, Bayard, Paris, 2000.

MIGEOTTE N., MOREL S., *Raconte-moi... la Convention relative aux droits de l'enfant en Amérique latine*, Bice, Bruxelles, 2009.

MCCALLIN M., «Child Rights and Resilience», dans Margaret McCallin, *Child Rights and Resilience*, Bice, Genève, 2005, p. 3–12.

SILVA PANEZ A.G., *Psychische Widerstandsfähigkeit von Kindern, die politisch motivierter Gewalt ausgesetzt waren*, thèse de doctorat à l'université de Zürich, Zentralstelle der Studentenschaft, Zürich, 1997.

NEWMAN T., «Limits to the Concept of Resilience», dans Margaret McCallin, *Child Rights and Resilience*, Bice, Genève, 2005, p.31–37.

PEISSARD O., *La dignité humaine dans le droit suisse et international relative au génie génétique*, Thèse, Faculté de droit, Université de Fribourg (Suisse) imprimée à Yverdon-les-bains, 2008.

RICHTER L., «Empathic Care. Between Child Rights and Resilience», dans Margaret McCallin, *Child Rights and Resilience*, Bice, Genève, 2005, p. 43–50.

СЕНТ-ЭКЗЮПЕРИ АНТУАН ДЕ, *Маленький принц*. Сочинения. М.: Художественная литература, 1964. С. 448.

TITUS C.S., *Resilience and Christian Virtues*, thèse de doctorat à l'université de Fribourg (Suisse), Fribourg, 2002.

TOMKIEWICZ S., «Du bon usage de la résilience» dans *La résilience Résister et se construire*, sous la direction de Michel Manciaux, Editions Médecine & Hygiène, Genève, 2001, p. 229–237.

VANISTENDAEL S., «La résilience: un espoir réaliste», dans *Psychoscope*, vol. 28 (2007), n°6, p. 12–15.

VANISTENDAEL S., «Resilience and Spirituality», dans Barbara Monroe, David Oliviere, *Resilience in Palliative Care*, Oxford University Press, Oxford, 2007, p. 115–135.

WERNER E., «Children of the Garden Island», dans *Scientific American*, avril 1989, p. 76–81.

**В серии «Научные труды Бисе»
уже вышли следующие работы:**

«Exploitation sexual de niñas y jóvenes in América latina»
Buenos Aires, 1991, на испанском языке.

«Au Rwanda, les enfants de la rue – Histoires vécues»
Genève, 1993, на французском языке.

«Jeunes handicapés mentaux en Afrique: comment sont-ils acceptés?»
Genève, 1993, на французском языке.

«Villes nouvelles: des jeunes regardent leurs cités»
Genève, 1994, на французском языке.

«Les enfants de la rue: problèmes ou personnes?»
Genève, 1995, на французском, английском, испанском языках.

«La résilience ou le réalisme de l'espérance: blessé, mais pas vaincu»
Genève, 1995, на французском, английском, испанском, каталонском, итальянском, португальском, голландском, арабском, китайском, та-мультском языках; повторные издания в 1996 и 1998 годах, на французском, английском, испанском языках; повторное издание в 2006 году на французском языке. Москва, 2003 на русском языке.

«Enfants et prostitution: ne me laissez pas tomber...»
Genève, 1996, на французском и английском языках.

«Support to families of children with disabilities in Eastern and Central Europe»
Genève, 1996, на английском и польском языках.

«Enfants handicapés en Europe de l'Est: de la honte à l'amour»
Paris, 1998, на французском языке.

«When we are parents of a disabled child»
Genève, 1998, на английском, польском, русских языках.

«Le BICE et la Convention des Droits de l'Enfant»

Paris, 1998, на французском языке.

«Enfants et prostitution: le droit au bonheur»

Paris, 1998, на французском языке.

«Les petites bonnes à Abidjan: travail ou exploitation?»

Abidjan, 1999, на французском языке.

«Clés pour devenir: cinq approches pour s'engager avec les enfants»

Genève, 2001, на французском языке.

«Surviving Violence: a recovery programme for children and families»

Genève, 2002, на английском языке.

«Résilience et spiritualité: le réalisme de la foi»

Genève, 2003, на французском языке.

«Resiliencia y espiritualidad: el realismo de la fe»

Genève, 2003, на испанском языке.

«The development of programmes to combat the sexual abuse and sexual exploitation of children through community empowerment»

Paris, 2004, на английском языке.

ДЛЯ ЗАМЕТОК

© Международное Католическое Бюро Ребенка (Бисе), 2012

Франция, 75010, Париж, бульвар Мажента, 70

Тел.: +33-1 53 35 01 00; Факс: +33-1 53 35 01 19

Эл. почта: bice.paris@bice.org

www.bice.org